

Непроницаемость кавалерійскаго строя для вредной пропаганды.

Рознь между родами войск—это опасная вещь, ибо залогом успѣха на войнѣ являются: единодушіе, хорошее знакомство другъ съ другомъ и общія, дружныя усилія, направленные къ достиженію поставленной какому-нибудь отряду цѣли. Это во всякомъ случаѣ не послѣдніе факторы побѣды, а рознь, сепаратизмъ и преслѣдованіе эгоистическихъ цѣлей бывали сплошь и рядомъ причиной неуспѣховъ и даже катастрофъ.

Я счелъ нужнымъ предпослать эту оговорку для того, чтобы быть внѣ всякаго подозрѣнія въ проповѣдываніи сепаратическихъ идей, а въ доказательство того, что я чуждъ этого стремленія, приведу еще въ примѣръ и то, что въ теченіе моей болѣе чѣмъ 25-ти лѣтней литературной дѣятельности высказывалъ неоднократно необходимость, для лучшаго взаимнаго ознакомленія, *прикомандировывать офицеровъ одного рода войскъ къ другому, какъ это дѣлается въ Германіи, идѣ, для того, чтобы сплотить всѣхъ защитниковъ страны въ одно цѣлое и знать службу вѣсѣхъ, на которыхъ лежитъ эта защита, даже флотскіе офицеры проводятъ годъ въ пѣхотѣ, кавалеріи или артилеріи, а офицеры упомяну-*

тыхъ родовъ войскъ несутъ по году службу во флотъ, въ качествѣ прикомандированныхъ.

Всѣ мы члены одной большой семьи, существуетъ только одна общая офицерская корпорація. Денежныя средства, знатность рода, отчасти уровень образованія, вкусы и нѣкоторыя привычки могутъ быть различны—абсолютнаго равенства нѣтъ въ природѣ, но есть у этой корпораціи масса общаго, есть у всѣхъ насъ одинъ Богъ, одинъ и тотъ же Верховный Вождь, и всѣ мы одинаково преисполнены желанія лечь за него и родину костью.

Послѣ этого предисловіе, не могу тѣмъ не менѣе не подчеркнуть, что въ недавнее смутное время вредная пропаганда пощадилась, главнымъ образомъ, кавалерійскій строй. Она прошла мимо массы и въ другихъ родахъ войскъ; зараженію поддавались лишь нѣкоторыя, и притомъ весьма немногія части, но все же поддавались, хотя и въ небольшомъ размѣрѣ: конный же строй не можетъ назвать и единичнаго случая—о единичныхъ вредныхъ личностяхъ, попадавшихся, можетъ быть, и въ кавалеріи, мы, конечно, не говоримъ, а лишь объ успѣхѣ ихъ пропаганды. Не слѣдуетъ и намъ зѣвать, очевидно, а надо «смотреть въ оба», но пропаганда не коснулась пока нашего строя, и мы можемъ этимъ гордиться.

Хочу разобрать совершенно объективно причины этого, весьма радостнаго для насъ явленія. На эту тему приходилось слышать много взглядовъ и объясненій, но врядъ ли они все вѣрны. Говорятъ иногда, что въ кавалеріи офицеръ стоитъ ближе къ солдату. Наоборотъ, скорѣе дальше, ибо въ пѣхотѣ, когда ни зайдешь въ роту, люди, кромѣ уволенныхъ со двора, всегда въ казармѣ, и можно, при желаніи, чаще и больше съ ними бесѣдовать, слѣдить за ними, изучать каждаго изъ нихъ; въ кавалеріи же, разъ зайдешь въ эскадронъ не въ часы занятій, люди въ большинствѣ случаевъ на конюшнѣ; они заняты уходомъ за лошадьми, ковкою ихъ, тасканіемъ фуража и выносомъ навоза; выкроить время, необходимое для бесѣды съ людьми и изученія характера своихъ подчиненныхъ, весьма трудно. Оттого-то занятія грядковой культурой, чтеніе лекцій съ туманными картинками, заботы о нравственномъ воспитаніи въ часы досуга (которыхъ нѣтъ въ конницѣ) не прививаются у насъ, да они и лишнія по-моему. Было бы кавалеристу когда поѣсть и поспать—и то, слава Богу. Не забывайте, господа, что у насъ двойная служба: конная и пѣшая.

Утверждаютъ тоже, что составъ людей у насъ будто лучше. Не думаю. Лучшій народъ отбирается въ спеціальныя войска, а ни-

какъ не въ кавалерію. Вѣрнѣе будетъ считать, что главная и почти что единственная причина «этой незаразительности»—это конь, связывающій какъ бы по рукамъ и ногамъ кавалериста и не остающій ему прогульнаго времени: ежедневныя конныя и нѣшія ученія заполняютъ весь день до и послѣ обѣда; три раза въ день коня надо накормить, напоить, сдѣлать и три уборки (третья послѣ ѣзды самая важная и утомительная, но ея обыкновенно даже не считаютъ). Значительная часть людей, иногда и половина (а въ зимніе мѣсяцы, когда старые солдаты ушли въ запасъ, молодые же еще не все прибыли, да прибывшіе чистить не умѣютъ, большинство) старослужащихъ имѣетъ по 2—3 лошади на рукахъ, а иной и 4. Надо вѣдь принять во вниманіе, что лошади вахмистра, взводныхъ, каптенармуса, артельщика и всѣхъ находящихся въ нарядахъ должны же кѣмъ-нибудь убираться и ѣздить. Поить, кормить, ковать, сдѣлать и разсдѣлывать, протирать сдѣльный уборъ, ѣздить, проѣзжать и выѣзжать одному человѣку нѣсколькихъ лошадей—это огромный, почти что непосильный трудъ. Вставать приходится и въ 5 и въ 4 часа утра, а ложиться въ 11 ч. вечера и позже. О прогульномъ времени и рѣчи нѣтъ. Въ суточные наряды старослужащіе ходятъ зимою черезъ день, а иногда и чаще. Кавалеристъ радъ, когда въ воскресенье и въ праздникъ онъ можетъ поспать днемъ и наверстать потерянное въ будни время для ночного отдыха. Солдатскіе спектакли, туманныя картины, лекціи и тому подобныя развлеченія ему просто въ тягость, и непонятно, почему все это хотятъ поставить въ конницѣ наравнѣ съ пѣхотой? Оно служитъ лишь признакомъ незнакомства съ внутренней службой и бытомъ кавалериста, о часахъ досуга котораго нечего заботиться. Каждое увольненіе въ праздникъ со двора человѣка сопряжено съ необходимостью распредѣленія убираемыхъ имъ лошадей на другихъ и лишней обузой для двухъ—трехъ его товарищей.

На трехъ уборкахъ люди все на виду, на каждой изъ нихъ присутствуетъ обязательно вахмистръ, все взводные; ее посѣщаетъ иногда эскадронный командиръ или, по его порученію, одинъ изъ офицеровъ; на ней появляется иногда и командиръ полка; вообще этотъ важный актъ внутренняго кавалерійскаго быта способствуетъ, вѣроятно, сплоченности и имѣетъ какъ бы «механическое воспитательное значеніе», являясь «противоядіемъ пропаганды». Со двора кавалеристъ ходитъ мало, въ театры, цирки, да и къ землякамъ его не особенно тянетъ изъ-за переутомленія, а насчетъ пропаганды беспокоиться нечего—напрасно потеряетъ время тотъ,

кто захочет вести такую; она могла бы развиваться въ серьезныхъ размѣрахъ развѣ черезъ посредство коней... Но понятно, что всѣмъ этимъ не слѣдуетъ убаюкивать себя и почивать на лаврахъ: «береже-наго Богъ бережетъ». Одиночные революціонеры могутъ попасть въ ряды конницы и попадаютъ въ нихъ несомнѣнно, а ближайшее начальство должно съ этимъ считаться, ибо вліяніе ихъ на товарищей всегда вредно. Но до сихъ норъ конь ограждалъ насъ больше всего отъ всякой серьезной, въ этомъ отношеніи, опасности.

Кромѣ этой главной причины, возможно еще и то, что кавалерійскій полкъ, вслѣдствіе того, что онъ не великъ по своему составу сравнительно съ пѣхотнымъ, болѣе сплоченъ, болѣе однороденъ. Въ кавалеріи люди служатъ годомъ больше, чѣмъ въ пѣхотѣ. Въ ея рядахъ удержались болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, остатки прежняго барства со всѣми его положительными и отрицательными качествами. Быть можетъ, что и это повліяло на воснитаніе нижняго чина въ страхъ Божиємъ и повиновеніи. Слѣдуетъ вѣдь помнить, что забота о солдатѣ не должна влечь за собой баловства его, ложной гуманности, панибратства, а все это замѣчалось къ несчастію въ началѣ нынѣшняго столѣтія вездѣ, и одна кавалерія показывала въ этомъ отношеніи нѣсколько болѣе привязанности къ старымъ порядкамъ. Это, однако, не поколебало довѣрія и уваженія нижнихъ чиновъ къ своимъ офицерамъ, а, наоборотъ, укрѣпило его какъ разъ въ то время, когда такое довѣріе и уваженіе было болѣе необходимымъ, чѣмъ когда-либо.

Кончая эту замѣтку, подчеркну еще и то, что въ кавалеріи больше сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, чѣмъ въ пѣхотѣ. Они держатъ солдатъ въ болѣе строгомъ повиновеніи, чѣмъ дѣлаютъ это срочные унтеръ-офицеры. Кавалерійскіе полки готовы на всякія жертвы (въ матеріальномъ отношеніи), лишь бы удержать на службѣ хорошаго сверхсрочнаго; въ прочихъ родахъ войскъ не придаютъ (ссылаясь на Драгомирова) такого большого значенія этой категоріи нижнихъ чиновъ. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что срочный унтеръ-офицеръ, мало отличающійся во всѣхъ отношеніяхъ (кромѣ развѣ грамотности) отъ рядового, такъ же легко поддается вредной пропагандѣ, какъ и тотъ, и даже значительно больше, ибо онъ такъ называемый «полуинтеллигентъ», нерѣдко, «развращенный фабричный». Удержать отъ разлагающаго вліянія социалистическихъ идей своего подчиненнаго, являющагося одновременно сверстникомъ и «компаньономъ» его, онъ во всякомъ случаѣ не въ состояніи. Совершенно иное дѣло сверх-

срочный. У него другое міросозерцаніе, другіе идеалы; онъ не станетъ водить компаніи съ рядовыми; роптать или бунтовать не въ его расчетѣ (если бы онъ былъ даже негодяй): ибо только продолжительная безпорочная и вѣрная служба обезпечиваетъ его и его семью, даетъ надежду на дальнѣйшую карьеру и т. д. Срочному же унтеръ-офицеру главное—отбыть поскорѣе воинскую повинность. Другого, болѣе прочнаго, связывающаго его съ военной службой звена для него не существуетъ.

На западѣ, а въ особенности въ Германіи, къ такому заключенію пришли давно. Тамъ всѣ унтеръ-офицеры и большинство ефрейторовъ сверхсрочные. Медленная подготовка этихъ начальствующихъ нижнихъ чиновъ въ ротѣ (эскадронѣ) даетъ возможность набирать ихъ изъ хлѣбопашцевъ, вообще просѣивать надлежащимъ образомъ имѣющійся людской матеріалъ, выбирая испытанныхъ и самыхъ достойныхъ лицъ. Продолжительное испытаніе даетъ возможность отбрасывать негодный элементъ: фабричныхъ, разныхъ малонадежныхъ профессіи и т. д. При нашей ускоренной подготовкѣ унтеръ-офицера это прямо невозможно. Приходится нашивать галуны ненадежнымъ людямъ, если они хорошо грамотны, выдѣляются болѣе или менѣе своими физическими качествами и сообразительностью. Внутреннихъ достоинствъ не угадаешь, а испытать ихъ нѣтъ времени. Оттого-то, какіе бы успѣхи ни дѣлалъ въ Германіи социализмъ, дорога въ казармы для него закрыта. Онъ не можетъ во всякомъ случаѣ развиться въ ея стѣнахъ, такъ какъ сверхсрочные являются броней, защищающей отъ его разлагающаго вліянія. Заразить долгосрочныхъ служака не удастся наиболѣе хитрому агитатору. Стоя ближе къ солдату, чѣмъ офицеръ, сверхсрочный замѣтитъ малѣйшій намекъ на желаніе «пропагандировать» (скрыть отъ него дѣло весьма трудное); онъ доложитъ объ этомъ своевременно начальству и подобная попытка будетъ подавлена въ самомъ зародышѣ.

Ж. Вольфъ.

